
**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР
В ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ
В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ИЮНЬ 1941 Г. – НОЯБРЬ 1942 Г.)**

Ф.Л. Сеницын

Центр военной истории
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье анализируются основные аспекты использования «национального фактора» гитлеровской администрацией в своей политике, реализованной на оккупированной территории СССР в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.), с упором на ее «гражданский» аспект (меры в сфере государственного управления, регулирования национально-культурной деятельности, мобилизации трудовых ресурсов и т.п.). Автор выявил особенности проявления «национального фактора» в политике гитлеровских оккупантов, в том числе поощрение национализма, сепаратизма и русофобии, а также противоречивость гитлеровской политики в вопросе о предоставлении народам СССР самоуправления.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, гитлеровская оккупационная политика, национальные отношения в СССР.

Как известно, отличие Великой Отечественной войны от других войн, в которых приходилось принимать участие нашей стране, состояло в том, что напавший на нее агрессор имел не только захватнические планы в отношении ее территории и ресурсов, но ставил своей конечной целью геноцид народов Советского Союза. Согласно разработанному СС «Генеральному плану “Ост”», вся европейская территория СССР, в той или иной степени, подлежала колонизации немцами, а местное население, в зависимости от «расовых качеств», – уничтожению, выселению, онемечиванию. На территории Кавказа и Центральной Азии гитлеровцы планировали создать буферные квазигосударства, где взамен на обеспечение охраны территории Рейха от внешних посягательств предполагалось провести «эксперимент» с предоставлением населению определенных прав (1).

Специфика первого периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) состояла в том, что на этом этапе, во-первых, началось практическое воплощение в жизнь гитлеровской оккупационной политики, во-вторых, германские власти имели возможность использовать с выгодой для себя ситуацию, сложившуюся на оккупированной территории СССР в политическом (недовольство части населения отрицательными сторонами совет-

ского режима, наличие сепаратистских и националистических сил) и экономическом аспектах (захват обширных территорий с многочисленным населением, развитыми промышленностью и сельским хозяйством). В рамках данной статьи рассматриваются особенности национального фактора гитлеровской оккупационной политики в «гражданском» аспекте (меры в сфере государственного управления, регулирования национально-культурной деятельности, мобилизации трудовых ресурсов и т.п.), не затрагивая обширную тему военного коллаборационизма народов СССР.

В административном плане гитлеровцы предусматривали раздел европейской части СССР на пять административных областей («рейхскомиссариатов»): «Остланд», «Украина», «Московия», «Кавказ» и «Туркестан» (2). Как известно, на практике оккупанты успели создать 2 рейхскомиссариата – «Украина» (большая часть Украинской ССР и южная часть Белорусской ССР) и «Остланд» (Прибалтика и центральная часть Белорусской ССР). Рейхскомиссариаты управлялись германской гражданской администрацией. Территория Молдавской ССР и юго-западная часть Украины (Северная Буковина и т.н. «Транснистрия») были оккупированы Румынией, часть территории Карело-Финской ССР и северо-запада Ленинградской области – Финляндией.

На оккупированной территории РСФСР были сформированы только низовые органы «местного самоуправления», обладавшие скудными полномочиями. Однако прагматически настроенные круги Рейха выдвигали идеи о создании централизованного «русского правительства». Предполагалось, в частности, что создание такого «правительства», особенно в случае успеха летнего наступления Вермахта в 1942 г., изменит отношение к войне со стороны Болгарии, которая отказывалась от участия в военных действиях против СССР (3). В марте 1942 г. в недрах Вермахта был разработан меморандум, в котором говорилось, что «должна быть выдвинута идея национальной России, свободной от большевизма» (4). Одновременно был начат поиск «вождя», который повел бы русский народ на «борьбу против большевизма, за новую Россию» (5). Тем не менее, найти подходящую кандидатуру (А.А. Власова) удалось только к концу 1942 г., а получить согласие Гитлера на создание «русского квази-правительства» («Комитет освобождения народов России») – только во второй половине 1944 г., когда этот шаг уже не мог ни на что повлиять.

Единственный факт наличия самоуправляемой русской гражданской и военной администрации был допущен на территории нескольких районов Курской и Орловской областей, с центром в пос. Локоть («Локотской особый округ», или «Локотская республика»). В ноябре 1941 г. «Локотской республике» во главе с волостным бургомистром К. Воскобойниковым было предоставлено полное самоуправление (6), взамен чего местные жители должны были защищать себя и тыл 2-й танковой армии Вермахта от партизан (7). Контроль над деятельностью руководства «Локотской республики»

осуществлялся через подразделение Абвера, размещенное в пос. Локоть (8). Руководство «Локотской республики» ликвидировало колхозы, имущество и инвентарь которых были розданы крестьянам. Крестьяне получили земельные наделы и были обложены налогами меньшими, чем при советской власти. «Локотская республика» имела театр, больницы, выпускала газеты (9).

25 ноября 1941 г. был опубликован манифест созданной руководством «Локотской республики» «Народной социалистической партии России “Викинг” (“Витязь”)), в котором она брала на себя обязательство «создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия для процветания мирного труда». Программа партии «Витязь» состояла из 12 статей, в том числе пункта, призывавшего к беспощадному уничтожению евреев и комиссаров, хотя провозглашалась амнистия всем комсомольцам и рядовым членам партии, а также тем «комиссарам», которые будут с оружием в руках бороться против «сталинского режима» (10). В декабре 1941 г., с санкции германского командования, руководство «Локотской республики» приступило к созданию добровольческих полицейских отрядов, в основном из числа бывших военнослужащих Красной Армии (11). Советское руководство понимало политическую опасность «Локотской республики». В январе 1942 г. НКВД удалось уничтожить К. Воскобойникова (12). Его место занял Б. Каминский (13).

19 июня 1942 г. территория «Локотской республики» была расширена до пределов шести районов Орловской области и двух районов Курской области. В июне 1942 г. Б. Каминский был назначен гитлеровцами командующим созданной в пределах округа полиции, которая получила название «Русская освободительная народная армия» (РОНА) (14). К концу декабря 1942 г. РОНА состояла из 13 батальонов общей численностью до 10 тыс. чел. (15). Когда фронт докатился до «Локотской республики», большая часть ее населения ушла с гитлеровцами на запад. Остатки РОНА (4–6 тыс. чел.) были передислоцированы в Белоруссию (16), затем в Польшу. Один из ее полков активно участвовал в подавлении Варшавского восстания в августе 1944 г. Тогда же Б. Каминский был убит либо гитлеровцами за неповиновение гитлеровскому командованию (17), либо польскими повстанцами (18). После войны органы госбезопасности СССР планомерно выявили большинство руководителей структур «Локотской республики», которые затем понесли заслуженное наказание (19).

На оккупированной Финляндией территории Карело-Финской ССР оставалось 40 тыс. чел. советского населения, из них 24 тыс. – карелы (20). Цель вступления в войну с СССР (26 июня 1941 г.) фельдмаршал К.-Г. Маннергейм обозначил как «крестовый поход» за «освобождение земель карелов» (21). Поэтому финская оккупационная администрация, имея в планах будущее вхождение территории КФССР в состав Финляндии, стремилась привлечь карельское население на свою сторону. Для карелов бесплатно отпускались продукты питания, а финская пропаганда стремилась доказать им

справедливость притязаний Финляндии на Карелию и Кольский полуостров (22). Проводилась активная «финнизация» карелов, при этом всячески подчеркивалось, что русское население в Карелии якобы не имело «никаких корней», и, соответственно, права проживать на ее территории (23). В донесениях советской разведки указывалось, что финская пропаганда стремилась всеми способами расхвалить «все финское» и очернить «все русское, все большевистское». Для обеспечения финского влияния каждая карельская семья была обязана для новорожденного ребенка приглашать финна в качестве «крестного», который затем отвечал перед государством «за правильное воспитание ребенка» (24).

Финские оккупанты широко использовали политику разобщения карельского и русского народов (25). Школы были открыты только для карельского населения. Большая часть русского населения, включая людей, депортированных финскими оккупантами из Ленинградской области (всего 20 тыс. чел.), была помещена в концлагеря (26). Оставшееся русское население подверглось выселению. Освобожденные от русского населения районы заселялись финнами и карелами из глубинных районов Финляндии, а также финнами, репатриированными из СССР в 1940 г. На 3 июня 1942 г. таких переселенцев было 178 тыс. чел. (27). По отношению к оставшейся части русского населения были применены дискриминационные меры – паспорта другого цвета, более раннее наступление комендантского часа и пр. (28). По воспоминаниям тех, кто пережил финскую оккупацию, финны проявили себя как «жестокие, антирусски настроенные нацисты», для которых русские «не были людьми» (29).

На оккупированной территории Украины развили свою деятельность оба крыла «Организации украинских националистов» (ОУН) – «бандеровцы» (ОУН-Б) и «мельниковцы» (ОУН-М). На территорию Украины вслед за гитлеровцами проникло от 3 до 5 тыс. членов ОУН. Специальная группа ОУН-Б достигла Львова, где 30 июня 1941 г. было объявлено о создании «Украинского правительства» во главе с Я. Стецько, о чем 2 июля 1941 г. был официально уведомлен МИД Германии (30). Однако провозглашение «независимости» Украины стало неприятным сюрпризом для германских властей, так как это категорически не входило в их планы (31). – С. Бандера, Я. Стецько и другие деятели ОУН-Б были арестованы (по данным украинских эмигрантских историков – в июле 1941 г. (32), по советским данным – в сентябре 1941 г.) (33). Деятельность ОУН-Б была поставлена под запрет. В ноябре 1941 г. СД издала приказ об аресте и ликвидации членов ОУН-Б (34). Тогда же был разогнан «Украинский национальный совет», созданный А. Мельником, и ОУН-М также ушла в подполье. Подпольные группы ОУН продолжали действовать, в основном, в западной части Украины. Население Восточной Украины существенной поддержки ОУН не оказывало (35).

Несмотря на подавление попытки провозглашения независимости Украины, сами гитлеровцы продолжали спекулировать на идее создания «са-

мостоятельного украинского государства под главенством Германии». Они использовали в пропаганде сведения о создании украинских воинских частей, которые якобы вели активные боевые действия «против русских и большевиков». Распространялись лживые слухи о сформированных в составе Вермахта «украинских корпусах, дивизиях и армиях» (36).

От идеи создания централизованного «самоуправления» на Украине гитлеровскому руководству пришлось отказаться из-за опасений, что оно под влиянием украинских националистов может перерасти в нечто, противоречащее оккупационным планам Германии. Только лишь на территории Полесья в качестве эксперимента по созданию временной самоуправляемой украинской администрации была создана т.н. «Олевская республика», власть над которой на себя принял деятель украинского национального движения В.Д. Боровец, взявший псевдоним «Тарас Бульба». С разрешения Вермахта он создал местную легковооруженную милицию под названием «Полесская сечь – Украинская повстанческая армия» (37). Вместе с гитлеровскими карателями «бульбовцы» боролись против партизан и небольших красноармейских подразделений, оставшихся в лесах после отхода советских войск (38). Однако в ноябре 1941 г. гитлеровцы решили установить на территории, контролируемой «Сечью», свою гражданскую администрацию. Они приказали «Бульбе» распустить «Сечь» и все местные органы власти (39). В ответ он ушел в лес с отрядом в 100 чел. (40) и начал партизанскую борьбу как против гитлеровцев, так и против советских партизан (41). К концу 1942 г. отряды «бульбовцев» насчитывали до 5 тыс. чел. (42).

На территории Украины, оккупированной Румынией, румынская администрация проводила национальную политику, которая в корне отличалась от германской. Румынское руководство было уверено в том, что победа Германии приведет к созданию независимой Украины, которая потребует себе оккупированную Румынией территорию. Поэтому румынские власти сделали ставку на поддержку «русского фактора». Русский язык был признан официальным языком наравне с румынским и немецким. В Одессе был открыт русский театр, издавалась русскоязычная пресса. Практически открыто действовали русские националистические группы, в частности, монархический «Союз русских офицеров», взявший девиз «Украины никогда не было, нет, и не будет». Любая украинская национальная деятельность, даже в культурной среде, подавлялась (43).

Еще до оккупации Крыма гитлеровцы разбрасывали на его территории листовки с призывом к крымским татарам «решить вопрос об их самостоятельности». Реакция со стороны националистических деятелей не заставила себя ждать. 11 ноября 1941 г. в Симферополе и ряде других городов и населенных пунктов были созданы «мусульманские комитеты» (44). На базе «мусульманских комитетов» 23 ноября 1941 г. в Симферополе был создан так называемый «Крымский комитет» (45) с широко развитой деятельностью по всей территории полуострова. Целью деятельности Комитета явля-

лось создание крымско-татарского государства под протекторатом Германии (46). В ближайшие задачи входило руководство жизнью всех крымских татар и оказание поддержки интересам германской армии и администрации (47). Комитет издавал газету «Азат Кърым» («Свободный Крым») и журнал «Ана-Юрт» («Родина-мать») (48). Гитлеровцы, в свою очередь, проявляли по отношению к крымским татарам лояльность, переходящую в заискивание (49). Крымско-татарское население получило от оккупационных властей разрешение открыть около 40 мечетей (50).

Армянские националистические деятели Крыма также создали свои «комитеты». В декабре 1941 г. и январе 1942 г. в Симферополь прибыл ряд эмигрантов – деятелей партии «Дашнакцутюн» – во главе с Д. Канаяном («генерал Дро»), который, по данным советской разведки, «ставил армянам задачу... вместе с немцами принять участие в “освобождении” Армении» с целью создания «Великой Армении под протекторатом немцев». Аналогичную деятельность развили в Крыму болгарские националисты во главе с полицмейстером Симферополя Федовым. Хотя создать «Болгарский комитет» не удалось, были созданы болгарские полицейские отряды, которые, по данным НКВД, «отличались жестокой расправой с советскими элементами» (51). Кроме того, на оккупированной территории Крыма действовали русские организации – «Партия истинно-русских людей» и филиал эмигрантской организации НТС, а также украинская организация «Украинско-немецкий комитет» (52).

На оккупированной территории Белоруссии организация центрального органа «самоуправления» на первом этапе войны была отложена, так как, согласно заявлению ведомства генерального комиссара Белоруссии, только «немногие белорусы оказались пригодны для сотрудничества с немецкой администрацией» (53). Попытки вернувшихся в Белоруссию политэмигрантов добиться от гитлеровской администрации самоопределения ни к чему не привели (54). В октябре 1941 г. гитлеровцы создали «Белорусскую народную самопомощь» (БНС) – организацию из местного населения, которая занималась вопросами просвещения, благотворительности и пр., а также способствовала борьбе с партизанами (55).

Политика германских властей по отношению к народам Прибалтики – литовцам, латышам, эстонцам – существенно отличалась от политики в отношении славянских народов. Основы прибалтийской политики были заложены в программном документе, который получил наименование «Зеленая папка Геринга»: «Германским органам целесообразно опираться на... литовцев, латышей и эстонцев». Гитлеровцы строили свою политику на использовании противоречий между прибалтийскими народами и местным русским населением (56). По сообщениям советской разведки, они натравливали прибалтийские народы на русских, историю прибалтов изображая как непрерывную борьбу с русскими, которые «закабалили прибалтов, а немцы во все века помогали прибалтам избежать русского рабства» (57).

В частности, в Латвии гитлеровская пропаганда была направлена на то, чтобы приглушить историческую вражду латышского народа к немецким захватчикам. Гитлеровцы пытались внушить латышам, что их с немцами связывает «общность судьбы», призывали забыть предыдущие «недоразумения» и установить «тесную дружбу» (58). Цель гитлеровской пропаганды заключалась в том, чтобы вызвать у прибалтов чувство ненависти и страха по отношению к русским и Красной Армии. Кроме этого, гитлеровцы разжигали антисемитизм, указывая на якобы еврейское происхождение всех вождей СССР (59).

Однако о предоставлении государственности для народов Прибалтики речи не шло. Согласно инструкции министра «восточных территорий» А. Розенберга для РК «Остланд» от 24 июля 1941 г. необходимо было «препятствовать любым поползновениям на создание Эстонского, Латвийского и Литовского государств, независимых от Германии», и формированию «независимых национальных армий». Разрешено было лишь создание муниципальных администраций во главе с представителями местного населения, а также местных представительных органов власти в больших городах (60).

Попытки политических деятелей Литвы и Эстонии создать свои национальные правительства были подавлены. 23 июня 1941 г. литовские политические деятели создали «временное правительство» (61), главой которого был назначен бывший посол Литвы в Берлине К. Шкирпа, который в то время находился в Германии. По каунасскому радио было объявлено о восстановлении независимости (62). «Правительство» провозгласило восстановление административной структуры бывшей Литовской республики и начало назначать персонал на государственные посты. Однако К. Шкирпа не получил разрешения вернуться на родину. 8 августа 1941 г. «правительство» было распущено (63).

В конце июля 1941 г. группа политических деятелей Эстонии во главе с последним довоенным премьер-министром Ю. Улуотсом представила германскому командованию меморандум с ходатайством о восстановлении независимости Эстонии. Взамен было обещано оказать Германии помощь в борьбе против СССР. Ответа на это предложение не последовало. Неофициально гитлеровцы рекомендовали в дальнейшем не обращаться с подобными заявлениями (64). Создание «эстонского правительства» так и не было провозглашено (65).

18 ноября 1941 г. министр «восточных территорий» А. Розенберг издал указ о создании системы «местного самоуправления» в Латвии, Литве и Эстонии. Согласно этому указу за германскими генеральными комиссарами была полностью сохранена верховная власть и право надзора за деятельностью центральных органов «самоуправления» и вмешательства в нее. Назначение должностных лиц органов «самоуправления» напрямую производилось или, как минимум, утверждалось германскими властями (66). Тем не менее, созданное на территории Прибалтики «самоуправление» дало литов-

цам, латышам и эстонцам такой уровень административной автономии, в котором было отказано всем другим народам на оккупированной территории СССР (67). Предоставленная автономия позволила гитлеровцам снизить уровень недовольства среди прибалтийского населения, чья поддержка для «антибольшевистской борьбы» была необходима оккупационным властям. Наличие «самоуправления» позволило гитлеровцам осуществлять свои требования через местные органы, маскируя сам факт оккупации (68).

Литовское «самоуправление» – «Литовский государственный совет», который функционировал как совещательный орган при германском генеральном комиссаре, – возглавил бывший начальник литовского генерального штаба П. Кубилюнас, который в 1934 г. был приговорен в Литве к смертной казни за попытку государственного переворота. В Латвии роль руководителя органов «самоуправления» («Генеральный директорат») принял на себя генерал бывшей латвийской армии О. Данкерс. В Эстонии «самоуправление» («Директорат») возглавил Х. Мяз, лидер организации «Союз участников войны за независимость Эстонии» («Вапсы»). Эта партия профашистского толка находилась в Эстонии в подполье с 1934 г. (69) и рассматривалась как эквивалент НСДАП (70).

После оккупации прибалтийских республик на их территории активизировалась деятельность прежних и был создан ряд новых националистических организаций. В Литве развили деятельность группы «Фронта литовских активистов». В декабре 1941 г. по инициативе офицеров бывшей литовской армии возникла «Армия освобождения Литвы» (ЛЛА) (71). Деятельность ЛЛА в период гитлеровской оккупации сводилась в основном к вербовке новых участников, созданию вооруженных отрядов и идеологической подготовке населения в антисоветском, националистическом духе. Оккупанты использовали всплеск националистических настроений в Литве в своих целях. Например, в августе 1942 г. они организовали в Каунасе собрание бывших депутатов Литовского народного сейма, на котором те выступили с антисоветскими речами (72).

В Латвии члены националистической организации «Айзсарги» («Защитники») принимали активное участие в формировании полицейских отрядов, которые использовались против партизан в Латвии, РСФСР, Украине, Белоруссии, Польше и Югославии. Также они сформировали костяк латвийской вспомогательной полиции и двух латышских дивизий СС, вербовались в диверсанты для заброски в тыл Красной Армии. Латвийские коллаборационисты принимали активное участие в уничтожении еврейского населения. Только за первый месяц оккупации в Латвии было уничтожено 30 тыс. евреев (73).

В Эстонии развила свою деятельность организация «Омакайтсе» («Самозащита»), члены которой принимали участие в карательных акциях, обеспечивали охрану тюрем, концлагерей, важных объектов (74). «Омакайтсе» была создана по образцу эстонской довоенной профашистской организации

«Кайтселийт», германской «СА» и финского «Шюцкора» (75). К концу 1941 г. в «Омакайтсе» состояло 43 757 чел. (76).

Ближайшие цели германской политики предполагали максимальную экономическую эксплуатацию населения оккупированной территории СССР. В частности, по отношению к украинцам, как населению весьма перспективной в экономическом смысле территории, была поставлена задача: «Если ими хорошо руководить и направлять их, то они являются послушной рабочей силой» (77). Чтобы создать условия для бесперебойной эксплуатации населения оккупированной территории СССР, гитлеровцы скрывали от советских граждан планы послевоенного устройства мира. Декларация Гитлера от 22 июня 1941 г., в которой он обозначил причины и цели войны, начатой против СССР, ни слова не говорила о запланированном геноциде и уничтожении государственности народов СССР. Целью войны Гитлер лицемерно и лживо провозгласил наказание «иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев и московского большевистского центра» (78). Гитлеровская пропаганда стремилась дезинформировать и дезориентировать народы СССР, убеждая их том, что война ведется «против коммунистов и их начальников жидов, а не против народов российских» (79). Массовым тиражом был выпущен плакат «Гитлер-освободитель». Солдаты и офицеры Вермахта получили указание разъяснять населению, что они «пришли не как завоеватели, а как освободители». При этом рекомендовалось «не касаться вопросов “будущего устройства” в завоеванных областях» (80).

Широко использовалась антикоммунистическая («новая жизнь без каторжных колхозов... без потогонной стахановщины и социалистических соревнований»), антикапиталистическая («без капиталистов, без помещиков») и антисемитская риторика.

Гитлеровская пропаганда пыталась убедить советских людей в том, что эта война является «отечественной» не для них, а для «жидов... потому что их отечество там, где они держат власть в своих руках» (81). Выпущенная гитлеровской пропагандой в начале 1942 г. брошюра «Der Untermensch» («Недочеловек») при всей своей антисемитской и антикоммунистической сущности не была прямо направлена против славянских народов, а выставляла их как жертв «Недочеловека» – некоего монстра, воплощавшего в себе собирательный образ «коммунистическо-еврейской» власти (82).

Одним из главных идеологических орудий гитлеровцев являлось разжигание национальной розни между народами, при этом особенно поощрялась русофобия. Проводя идеологическую обработку украинцев, гитлеровцы утверждали, что главные враги украинцев – это «москальи», что «украинцы выше русских», так как они якобы пережили «живительное влияние арийской расы в средние века». Для военнопленных украинцев устанавливался более мягкий режим, а часть их была в начале войны освобождена из плена и отпущена домой (83). Для Украины был выпущен плакат с портретом гетмана П.П. Скоропадского, а также использовались национальные символы –

желто-голубой флаг и трезубец (84). В директиве «Об отношении войск к украинцам» говорилось: «Для каждого солдата вытекает обязанность обращаться с украинцами корректно и не как с врагами, если они не проявляют враждебного отношения к немецкой армии» (85).

Белорусам гитлеровская пропаганда стремилась доказать, что их враги – русские, «которые эксплуатировали белорусов», а также поляки и евреи. Поэтому «счастливое будущее Белоруссии», согласно гитлеровской пропаганде, могло быть «только под защитой Германии» и при условии участия белорусов в «борьбе против Москвы» в лице советского партизанского движения (86). Оккупационные власти полностью запретили в Белоруссии употребление русского языка, а белорусский язык пытались перевести на латиницу (87). Преподавание истории в белорусских школах на оккупированной территории строилось на демонстрации «тесной связи и помощи, которую оказывали белорусам немцы, и отсутствии единой тенденции в развитии Белоруссии и России» (88).

Пропаганда велась гитлеровцами через издаваемые ими на языках народов СССР газеты и другие печатные издания. По состоянию на 14 июля 1942 г. в оккупированных районах СССР издавалось 133 газеты на украинском, латышском, русском, эстонском, литовском, польском, белорусском и татарском языках. В Киеве гитлеровцы издали большим тиражом брошюры «Правда о прошлом Украины», «Еврейство и его роль в Восточной Европе», «История борьбы с еврейским коммунизмом» (89). В Латвии была издана книга «Жуткий год» (о «советской оккупации» 1940–1941 гг.) (90). Гитлеровцы распространяли свои пропагандистские материалы также на неоккупированной территории СССР – только в период с 22 июня по 31 октября 1941 г. они сбросили на советскую территорию 400 млн. экз. листовок (91).

Гитлеровской пропаганде служила организация всевозможных антисоветских выставок и «музеев». Например, в Прибалтике были организованы выставки под названием «Жертвы красного террора» (92), с помощью которых оккупанты пытались внушить местному населению, что они «спасли» прибалтийские народы от «большевистских зверств» и «массовой высылки в Сибирь» (93). В Житомире были созданы «украинский музей» и «архив». Гитлеровцы широко использовали в целях пропаганды музыкальные, театральные и прочие художественные коллективы (94), в частности, украинские, концерты которых пропагандировали русофобию и антисемитизм (95). В Белоруссии подобная пропаганда велась через созданные гитлеровцами «Белорусские народные дома». С целью «приобщить» народы Советского Союза к «немецкой культуре», для представителей населения оккупированной территории СССР были организованы экскурсии в Германию (96).

Советская разведка отмечала, что гитлеровцы широко использовали националистическую пропаганду для убеждения населения в прочности и близости к нему «нового порядка». Гитлеровские радио, газеты и журналы старались одеть на себя маску «глубоко национальных органов местного насе-

ления», часто пользовались народными пословицами и поговорками, публиковали народные песни, статьи о фольклоре, «возрождении национального самосознания», истории страны, материалы по краеведению (97).

Примером такой пропагандистской деятельности может служить выпущенный гитлеровцами в конце 1941 г. на русском языке «Народный календарь на 1942 г. Спутник сельского хозяина». Содержание этого «Календаря» таково: биография Гитлера, портреты и биографии других нацистских вождей; «Календарь на каждый месяц» с памяtnыми датами нацистов и датами рождения русских писателей, композиторов и пр.; «Церковный календарь»; «Крестьянин в национал-социалистической Германии» (славословия немецкому укладу жизни и нацистским порядкам); «Советы по ведению хозяйства»; «Русское искусство» (биографии дореволюционных писателей, композиторов, литературные тексты, статья о русском театре и пр.); самоучитель немецкого языка (98).

Видно, что гитлеровская пропаганда стремилась не дать русскому человеку задуматься о политической сути происходящего, а обратить его устремления на мещанский быт «мелкого хозяйчика». При этом создавались условия, исключавшие возможность всякого общения населения с советскими партизанами (99) и, соответственно, получения от них правдивой информации о текущем военном и политическом положении. Гитлеровской пропаганде косвенным образом способствовали противоречия советской пропаганды довоенного периода: если в 1933–1939 гг. гитлеровская Германия выставлялась как «враг», то в 1939–1940 гг. официальное отношение к ней изменилось чуть ли не до именованя ее «верным союзником». Противоречивость пропагандистских приоритетов в начальный период войны породила растерянность советских граждан в отношении к гитлеровцам (100).

Таким образом, национальная политика гитлеровцев на оккупированной территории СССР в период с июня 1941 г. по июнь 1942 г. была направлена на извлечение максимальных экономических и политических дивидендов из вынужденного сосуществования с населением оккупированной территории СССР до момента окончания войны. Среди представителей населения оккупированных территорий нашлось немало коллаборационистов. К началу 1942 г. 60 421 чел. из числа советских граждан работали при оккупантах в качестве мелких чиновников, старост, «полицаев» (101). Определенную часть среди них составляли люди, «скомпрометировавшие» себя при советской власти (102). Советское руководство осознавало, что «гитлеровцам... удалось оказать влияние пропагандой на часть населения», которая пошла «на службу к немцам старостами, переводчиками, полицейскими и т.д.», а также добровольно поехала на работу в Германию (103). Сюда же был отнесен тот факт, «что многие наши девушки связались с немцами и стали им служить». Все это, по признанию советских властей, говорило о том, что гитлеровцам «удалось достигнуть некоторых результатов в своей политической работе среди отсталой части молодежи временно оккупированных районов» (104). В Прибалтике, Белоруссии, на Украине и других регионах «боль-

шинство коллаборационистских проявлений было густо замешано на проявлениях национализма и русофобии» (105).

С целью противодействия мерам гитлеровской оккупационной политики советские органы с помощью радиовещания и распространения печатных материалов развернули на оккупированной территории СССР пропаганду (106), апеллировавшую к патриотическим чувствам, призывавшую всемерно развернуть борьбу против гитлеровцев (107). О размахе советской пропаганды на оккупированной территории говорит такой факт, что только в Белоруссии за первый год войны было распространено 5 млн экз. газет и 27 млн экз. листовок (108).

Несмотря на то что сама возможность коллаборационизма со стороны народов СССР отвергалась официальной пропагандой (109), руководство страны было осведомлено о том, что в действительности происходило на оккупированной территории. Поэтому один из основных ударов пропаганды на оккупированной территории был направлен по коллаборационистам, которых призывали помнить, что они русские люди, «рожденные на русской земле», «вскормленные русской матерью», и поэтому должны отказаться от сотрудничества с оккупантами и влиться в партизанское движение. В ответ на начатую гитлеровцами кампанию по вербовке населения на работу в Германию советская пропаганда утверждала: «Кто поедет в Германию – того ждет гибель» (110).

На Украине одним из главных направлений советской пропаганды была дискредитация ОУН, члены которой именовались «губителями украинского народа», «верными псами каннибала Гитлера». Пропаганда предпринимала усилия, чтобы не дать националистам «увести» украинцев от братского русского народа и «разбить вечную дружбу между этими двумя народами» (111).

Одна из первых листовок для эстонского населения была адресована «тем, которые ждали немцев», с целью показать «крушение их надежд». В дальнейшем в пропаганде разоблачалось коллаборационистское «самоуправление» – «предатели эстонского народа» (112). В ответ на уверения гитлеровской пропаганды, что «эвакуация» части населения прибалтийских республик в июне–июле 1941 г. была «насильственной депортацией» (113) (что частично соответствовало действительности), советская пропаганда убеждала прибалтов, что это была именно добровольная эвакуация. В советской пропаганде постоянно делался упор на наличие в Красной Армии прибалтийских национальных частей (114). Здесь советские пропагандисты даже прибегали к некоторым преувеличениям. В частности, в листовке на эстонском языке, датированной апрелем 1942 г., говорилось: «Недалек тот день, когда Красная Армия *совместно* [курсив наш. – Ф.С.] с эстонскими национальными частями освободит эстонский народ из-под ига немецких оккупантов» (115). После прочтения листовки могло показаться, что на стороне СССР сражается некая самостоятельная «эстонская армия», чего на самом деле не было.

В целом, несмотря на первоначальную эйфорию среди части населения оккупированных территорий СССР, связанную с крушением ненавистных многим людям атрибутов советского строя (колхозы, политические репрессии, подавление религии и т.д.) и ожиданием позитивных перемен, гитлеровцы не оправдали возложенных на них надежд (116).

Антисоветски настроенная часть населения быстро осознала, что истинные намерения псевдоосвободителей исключали «возможность реализации каких-либо национальных устремлений» (117), ведь Германия напала на СССР вовсе не для того, чтобы «сменить там неуютное правительство» (118). В донесениях советской разведки отмечалось, что к осени 1942 г. «антисоветские элементы» стали выражать «недовольство к оккупантам» (119), так как они «объелись немецкой власти, немцы им противники» (120).

Среди украинских националистов разочарование политикой оккупантов достигло такой степени, что гитлеровцы отмечали их «сближение с бандами большевистского происхождения», т.е. советскими партизанами (121). Даже в таком политически нестабильном регионе, как Северный Кавказ, массового перехода населения на сторону оккупантов не произошло, что признавало и гитлеровское командование (122).

Рост ненависти к гитлеровцам среди всех слоев населения оккупированной территории СССР вызывало преступное поведение оккупантов, которые грабили и унижали мирных граждан, насиловали женщин и девушек. Этому же способствовали массовые убийства военнопленных (123) и карательные операции, при проведении которых гитлеровцы уничтожали мирное население под предлогом борьбы против партизан (124). На фоне таких акций никакие ухищрения политики, в том числе лживые лозунги «освобождения» народов СССР от «еврейско-большевистского ига» и игра на национальных чувствах, не могли помочь гитлеровцам привлечь на свою сторону широкие массы советского населения (125).

Население, оставшееся лояльным советской власти, поднималось на борьбу с агрессором как стихийно, так и организовано, при поддержке и под руководством советских органов. Деятельность советских партизан на оккупированной территории СССР отмечалась гитлеровцами уже 24 июня 1941 г. (126). В целом за годы войны в советских партизанских отрядах воевало до 2 млн. чел. (127). Из числа партизан на Украине представители титульной нации составляли 59% (128), в Белоруссии – 71,19% (129), Карело-Финской АССР – 32,5% (при этом доля финно-угорских народов в населении республики в 1941 г. была 26,9%) (130). В Прибалтике численность советских партизан была невелика, однако литовцы, латыши и эстонцы среди них составляли большинство (131). Незначительной доля титульной нации была только среди партизан Молдавской ССР (0,2%) (132), что могло быть обусловлено отсутствием явных противоречий между политикой румынских оккупантов и ожиданиями большей части молдавского населения.

Ни в первый период Великой Отечественной войны, ни в последующем гитлеровские оккупанты не смогли до конца реализовать ни одну свою политическую или экономическую акции (133), в том числе из-за отрицательного отношения к ним основной массы населения оккупированной территории СССР, включая «антисоветчиков». Немецкие власти, широко используя национальный фактор, все же не смогли убедить население СССР в необходимости сотрудничества с Германией. Провал использования гитлеровцами этого фактора наступил уже в первый период Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера: путь к катастрофе. – М., 2005. – Т. 3. – С. 5–14.
- (2) *Безыменский Л.А.* Особая папка «Барбаросса». – М., 1972. – С. 252.
- (3) Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР. ГРУ Красной Армии. – М., 1943 // РГАСПИ. – Ф. 17: Фонд Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). – Оп. 125. – Д. 172. – Л. 95.
- (4) *Reitlinger G.* The House Built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. – N. Y., 1960. – P. 313.
- (5) *Littlejohn D.* The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in Germany-occupied Europe. – L., 1972. – P. 306.
- (6) РГАСПИ. – Ф. 625: Личный фонд П.К. Пономаренко. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 134.
- (7) *Трушинович Я.А.* Русские в Югославии и Германии в 1941–1945 гг. // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 167.
- (8) *Колесник А.Н.* РОА – власовская армия: Судебное дело генерала А.А. Власова. – Харьков, 1990. – С. 14.
- (9) *Littlejohn D.* The Patriotic Traitors... – P. 298–299.
- (10) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 94. – Л. 33.
- (11) *Колесник А.Н.* РОА – власовская армия... – С. 14.
- (12) *Колтакиди А.И., Прохоров Д.П.* КГБ: Спецоперации советской разведки. – М., 2000. – С. 332–333.
- (13) РГАСПИ. – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 134.
- (14) *Колтакиди А.И., Прохоров Д.П.* Указ. соч. – С. 334–336.
- (15) *Трушинович Я.А.* Русские в Югославии... – С. 147, 167.
- (16) РГАСПИ. – Ф. 69: Центральный штаб партизанского движения СССР. – Оп. 1. – Д. 721. – Л. 35.
- (17) *Колесник А.Н.* РОА – власовская армия... – С. 14.
- (18) *Глаубе Г.* Загадочная смерть бригадефюрера Каминского // Эхо войны. – 2007. – № 1. – С. 31–32.
- (19) *Колтакиди А.И., Прохоров Д.П.* Спецоперации советской разведки... – С. 338–339.
- (20) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 292. – Л. 11.
- (21) От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. – СПб, 2006. – С. 303, 285.
- (22) Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта, 10 апреля 1943 г. // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 167. – Л. 12–13.
- (23) От войны к миру... – С. 179.
- (24) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 167. – Л. 13.

- (25) Там же. – Д. 92. – Л. 78.
- (26) Там же. – Оп. 121. – Д. 292. – Л. 54.
- (27) Там же. – Оп. 125. – Д. 167. – Л. 14.
- (28) Там же. – Оп. 121. – Д. 292. – Л. 54–55.
- (29) От войны к миру... – С. 306–307.
- (30) *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війни. – П.; Н.-Й.; Львів, 1993. – С. 113–115.
- (31) *Reitlinger G.* The House Built on Sand... – P. 160.
- (32) *Косик В.* Україна і Німеччина... – С. 117–118.
- (33) РГАСПИ. – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 599.
- (34) Сб. сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М., 1946. – С. 173.
- (35) *Armstrong J.* Ukrainian Nationalism. – Englewood, 1990. – P. 77–79.
- (36) Докладная записка разведотдела Штаба Западного фронта, 10 апреля 1943 г. // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 167. – Л. 17–18.
- (37) *Armstrong J.* Ukrainian Nationalism... – P. 71–72.
- (38) ОУН на службе у фашизма // ВИЖ. – 1991. – № 5. – С. 54.
- (39) ГАРФ. – Ф. 9478: Фонд Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР. – Оп. 1. – Д. 117. – Л. 43.
- (40) *Armstrong J.* Ukrainian Nationalism... – P. 71–72.
- (41) РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 1027. – Л. 128.
- (42) Там же. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 172. – Л. 14 об.
- (43) *Armstrong J.* Ukrainian Nationalism... – P. 205–206.
- (44) Ориентировка НКВД Крымской АССР об организации и деятельности татарских националистов в Крыму в период оккупации 1941–1944 гг. // ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 284. – Л. 16.
- (45) *Бекирова Г.* Крым и крымские татары в XIX–XX веках: Сб. статей. – М., 2005. – С. 49.
- (46) ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 284. – Л. 16, 18.
- (47) *Бекирова Г.* Крым и крымские татары... – С. 50.
- (48) ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 284. – Л. 22.
- (49) РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 618. – Л. 19.
- (50) *Kolarz W.* Religion in the Soviet Union. – L., 1962. – P. 427.
- (51) ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 284. – Л. 4–7, 10–11.
- (52) Там же. – Ф. 9401: Фонд «Особая папка И.В. Сталина». – Оп. 2. – Д. 64. – Л. 388–389.
- (53) Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР. ГРУ Красной Армии. – М., 1943 // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 172. – Л. 9.
- (54) Там же. – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 324–325.
- (55) Там же. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 167. – Л. 20–21.
- (56) Там же. – Д. 172. – Л. 8.
- (57) Там же. – Д. 167. – Л. 15.
- (58) Докладная записка секретаря ЦК КП(б) Латвии по пропаганде А. Пельше, 2 марта 1943 г. // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 136. – Л. 5–11.
- (59) РГАСПИ. – Ф. 600: Фонд Бюро ЦК ВКП(б) по Латвийской ССР. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 16–17.
- (60) В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! / Публ. и комм. В.П. Ямпольского // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 6. – С. 41.

- (61) *Pick F.W.* The Baltic Nations: Estonia, Latvia and Lithuania. – L., [1945]. – P. 139–140.
- (62) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 172. – Л. 8.
- (63) *Misuinas R.J., Taagepera R.* The Baltic States. Years of Dependence, 1940–1990. – Berkeley; Los Angeles, 1993. – P. 46–48.
- (64) *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. – Таллинн, 1992. – С. 170.
- (65) *Misuinas R.J., Taagepera R.* The Baltic States... – P. 48–49.
- (66) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 172. – Л. 8.
- (67) *O'Connor K.* The History of the Baltic States. – Westport-L., 2003. – P. 119–120.
- (68) *Misuinas R.J., Taagepera R.* The Baltic States. Years... – P. 49–50, 52.
- (69) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 172. – Л. 8–9.
- (70) *Kasekamp A.* The Ideological Roots of Estonian Collaboration During the Nazi Occupation // The Baltic Countries Under Occupation. Soviet and Nazi Rule, 1939–1991. – Stockholm, 2003. – P. 87.
- (71) В Прибалтике ждали фюрера... – С. 40.
- (72) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 172. – Л. 9.
- (73) *Bassler G.P.* The Collaborationist Agenda in Latvia 1941–1943 // The Baltic Countries Under Occupation. Soviet and Nazi Rule, 1939–1991. – Stockholm, 2003. – P. 79.
- (74) В Прибалтике ждали фюрера... С. 40.
- (75) РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 742. – Л. 47.
- (76) ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 452. – Л. 80.
- (77) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 251. – Л. 14.
- (78) *Ямпольский В.П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Док-ты спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. – М., 2008. – С. 114.
- (79) *Филоненко С.И., Филоненко М.И.* Психологическая война на Дону: Мифы фашистской пропаганды. 1942–1943. – Воронеж, 2006. – С. 73.
- (80) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 167. – Л. 25.
- (81) *Филоненко С.И., Филоненко М.И.* Психологическая война... – С. 37, 192, 201.
- (82) См.: *Der Untermensch.* – Berlin, 1942.
- (83) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 167. – Л. 17–18, 31, 33.
- (84) Там же. – Д. 172. – Л. 13.
- (85) Там же. – Д. 96. – Л. 168–169.
- (86) Там же. – Л. 19–20.
- (87) Там же. – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 190.
- (88) Там же. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 136. – Л. 75.
- (89) Там же. – Д. 167. – Л. 9.
- (90) Там же. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 450. – Л. 7.
- (91) *Козлов Н.Д.* С волей к победе: Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2002. – С. 93.
- (92) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 167. – Л. 10.
- (93) Там же. – Д. 136. – Л. 5–11.
- (94) Там же. – Д. 167. – Л. 10.
- (95) Там же. – Д. 181. – Л. 50.
- (96) Там же. – Д. 104. – Л. 119, 134.
- (97) Там же. – Д. 136. – Л. 75.
- (98) Там же. – Д. 100. – Л. 8–97.
- (99) Там же. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 744. – Л. 91.

- (100) *Окороков А.В.* Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. – М., 2007. – С. 11.
- (101) *Князьков А.С.* Оккупационный режим. Партизанское движение // *Война и общество, 1941–1945.* – М., 2004. – Кн. 2. – С. 273.
- (102) РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 619. – Л. 9.
- (103) Там же. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 146. – Л. 52.
- (104) Там же. – Л. 80.
- (105) *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945. – М., 2008. – С. 4.
- (106) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 104. – Л. 111.
- (107) Там же. – Д. 138. – Л. 14–15.
- (108) Там же. – Д. 104. – Л. 112–113.
- (109) *Корнеев М.* СССР – оплот дружбы между народами // *Под знаменем марксизма.* – 1941. – № 9–10. – С. 39.
- (110) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 138. – Л. 89, 46.
- (111) *Косик В.* Україна і Німеччина... – С. 143, 145.
- (112) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 154. – Л. 4, 11.
- (113) *Дюков А.* Миф о геноциде: Репрессии Советских властей в Эстонии (1940–1953). – М., 2007. – С. 81.
- (114) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 138. – Л. 56.
- (115) Там же. – Д. 154. – Л. 14.
- (116) *Криворотов В.И.* Некоторые мысли к русской возрожденческой идее: Ст. и письма. – Мадрид, 1975. – С. 161.
- (117) *Наринский М.М.* Великая Отечественная война // *Союзники в войне 1941–45 гг.* – М., 1995. – С. 294.
- (118) *Кудряшов С.* Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941–1942) // *Свободная мысль.* – 1993. – № 14. – С. 97.
- (119) РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 1048. – Л. 2.
- (120) Там же. – Д. 619. – Л. 11.
- (121) Директива рейхскомиссара Украины от 17 ноября 1942 г. // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 251. – Л. 67.
- (122) *Война и ислам на Северном Кавказе XIX–XX вв.* – М., 2000. – С. 28.
- (123) *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. – М., 2000. – С. 171, 193.
- (124) *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 585.
- (125) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 136. – Л. 5.
- (126) *Князьков А.С.* Оккупационный режим... – С. 273.
- (127) *Соколов А.К.* Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // *Людские потери СССР в период второй мировой войны.* – СПб, 1995. – С. 19, 23.
- (128) *Ямковой А.А.* Вклад Украины в разгром нацистской Германии // *Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма.* – М., 1997. – С. 28.
- (129) РГАСПИ. – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 7.
- (130) Там же. – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 292. – Л. 21, 10.
- (131) Там же. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 14; Д. 449. – Л. 5; Д. 605. – Л. 29.
- (132) Там же. – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 430.

(133) *Ковалев Б.* *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944.* – М., 2003. – С. 481.

**ETHNIC FACTOR IN NAZI OCCUPATION POLICY
DURING THE FIRST STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(JUNE 1941 – NOVEMBER 1942)**

F.L. Sinitsyn

Center of War History of Russia
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

In the article the author analyzes the main aspects of the Nazi government ethnic policy implemented on the occupied territory of the Soviet Union during the first stage of the Great Patriotic War (June 1941 – November 1942) in the «civic» sphere (local administering, regulating ethno-cultural activities, mobilizing labor force, etc.). The author shows the peculiarities of using the «ethnic factor» by Nazi occupants, and identifies its main trends, including promotion of nationalism, separatism, and russophobia, as well as the contradictions of the Nazi policies in the matter of granting self-government to the peoples of the Soviet Union.

Key words: Great Patriotic War, Nazi occupation policy, ethnic relations in the USSR.